

И. А. Баландина
(научный руководитель Т. А. Снигирева)
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

Жанр открытого письма в творчестве И. Бродского

Аннотация: статья посвящена рассмотрению функционирования жанра открытого письма в творчестве Иосифа Бродского. Исследованы ключевые особенности открытого письма у Бродского, выявлены закономерности развития мотивной структуры жанра и специфика адресации. Открытое письмо рассмотрено как форма самоидентификационного высказывания поэта и способ формирования им своего публичного образа.

Ключевые слова: открытое письмо, И. Бродский, публичное поведение, самоидентификация, жанровая специфика.

Жанр открытого письма в российской культуре – явление довольно частое и резонансное. В список известных открытых писем вносятся письмо В. Г. Белинского Н. В. Гоголю, письмо М. Булгакова «Правительству СССР», «Письмо Сталину» Евг. Замятина, письмо А. Твардовского К. Федину, письмо А. Солженицына «IV съезду союза советских писателей» и многие другие. Для литераторов начиная с XIX века, и еще больше – в веке XX, открытое письмо становится универсальным способом воздействия на аудиторию и власть, выражения собственных идей и мнений по тревожащим их вопросам. А. И. Акопов так определяет специфику публичного (или открытого) письма как жанра: «Иногда открытое письмо оказывает большое общественное воздействие еще до опубликования в печати, в результате распространения в рукописном виде. <...> Открытое письмо, в силу наличия адресата и автора, а также масштаба их личностей, заостренности злободневной проблемы, возвания к разуму, призыву к действию обладает сильнейшим эмоциональным воздействием» [Акопов, URL].

О. Розенблюм в статье, посвященной открытому письму 1960–80-х гг., подчеркивает ключевую черту этого жанра: «*mitlesende öffentlichkeit* (читающая общественность – нем.), наличие которого является критерием, позволяющим причислить письмо к открытым» [Розенблюм, URL]. Публичные письма Бродского, от «Неотправленного письма» 1963 г. и до «Письма президенту» 1993 года, следуют этому правилу безукоризненно.

Первым опытом открытого письма становится «Неотправленное письмо», посвященное реформе русской орфографии, планировавшейся в 1964 году для упрощения изучения русского языка. Идея об упрощении и унификации многих правил русской орфографии вызвала полемику в научном сообществе, и, конечно же, не могла пройти незамеченной для российской интеллигенции. Так, эссе «Неотправленное письмо» – это размышления о причинах и последствиях подобной реформы. Бродский сравнивает язык с архитектурой, размышляя о соотношении формы и функции: «Капитель имеет смысл только при наличии фасада. Когда же функцию подчиняют форме, колонна заслоняет окно» [Бродский, 1963, URL]. Политика примитивизации языка в угоду «кухаркиным детям» (формулировка А. И. Ефимова) не могла не вызвать протеста у молодого поэта: «Разумеется, современный язык сложен, разумеется, в нем многое можно упростить. Но суть упрощений состоит в том, во имя чего они проводятся. Сложность языка является не пороком, а – и это прежде всего – свидетельством духовного богатства создавшего его народа. И целью реформ должны быть поиски средств, позволяющих полнее и быстрее овладеть этим богатством, а вовсе не упрощения, которые, по сути дела, являются обкрадыванием языка» [Там же]. Упрощение для Бродского, приверженца идеи лингводицеи – тотального господства языка – кажется убийственным для смысла. Разрушение самого фундамента русского языка, уничтожение семантики через упрощение орфографии представлено губительным для самой русской культуры и недопустимыми: «Ко всему, представляющемуся в языке нерациональным,

следует подходить осторожно и едва ли не с благоговением, ибо это нерациональное уже само есть язык, и оно в каком-то смысле старше и органичнее наших мнений. К языку нельзя принимать полицейские меры: отсечение и изоляцию. Мы должны думать о том, как освоить этот материал, а не о том, как его сократить» [Бродский, 1963, URL].

Адресатом «Неотправленного письма» становится, пожалуй, как Институт Русского языка, предложивший проект реформирования, так и общественность, поддержавшая эту реформу, к счастью, не принятую и не реализованную в итоге. В письме молодого Бродского нашло отражение то, что тогда тревожило российскую интеллигенцию – мысль о необходимости стремиться к уровню языка, а не опускать его до уровня толпы продолжилась у него впоследствии применительно уже к литературе и поэзии, осуждаемой за излишнюю сложность.

В 1972 году Бродский вынужден уехать из СССР, он пишет письмо правителю своей страны, понимая, что в ее пределах опубликовано оно не будет, да и до эксплицитного адресата вряд ли дойдет. Письмо Бродского к Л. И. Брежневу, написанное им перед отъездом из Советского Союза, становится классическим примером открытого публичного письма-обращения писателя к власти. Подобные письма создавались Михаилом Булгаковым, Евг. Замятиным, Б. Пастернаком к И. Сталину.

В письме Бродского Брежневу складывается его этико-эстетическая программа. Бродский утверждает – уезжая, он не отрекается от своего статуса как русского поэта, но сознает свое бессмертие в русской культуре: «...переставая быть гражданином СССР, я не перестаю быть русским поэтом. Я верю, что я вернусь; поэты всегда возвращаются: во плоти или на бумаге» [Бродский 1972: URL]. Здесь же заявлен в очередной раз его логоцентризм и особое видение патриотизма как служения не государству, а языку народа: «Я принадлежу к русской культуре, я сознаю себя ее частью, слагаемым, и никакая перемена места на конечный результат повлиять не сможет. Язык – вещь более древняя и более неизбежная, чем государство. Я принадлежу русскому языку, а что касается государства, то, с моей точки зрения, мерой патриотизма писателя является то, как он пишет на языке народа, среди которого живет, а не клятвы с трибуны» [Там же]. Озвучивается и этическая позиция поэта – доброта как единственно правильный способ существования. Здесь он ставит себя выше власти сильных, демонстрируя свое принятие и смирение с направленной на него агрессией: «Все плохое, что выпадало на мою долю, с лихвой перекрывалось хорошим, и я никогда не чувствовал себя обиженным Отечеством» [Бродский, 1972, URL].

Письмо заканчивается просьбой дать возможность остаться в России, вполне традиционной для подобных посланий к власти от российских литераторов, и, зная о предыдущих прецедентах, Бродский не рассчитывает на исполнение этой просьбы, но гордо утверждает свою правоту и бессмертное будущее в своих стихах: «Я думаю, что ни в чем не виноват перед своей Родиной. Напротив, я думаю, что во многом прав. <...> Но скажу Вам, что в любом случае, даже если моему народу не нужно мое тело, душа моя ему еще пригодится» [Там же]. Это письмо, изданное впоследствии на Западе, становится формой самопрезентации изгоняемого поэта, актом чести перед лицом враждебности со стороны властей.

В 1994 году в журнале «Знамя» впервые в переводе опубликовано «Письмо Президенту», написанное Бродским уже президенту Чехословакии Вацлаву Гавелу в ответ на его речь. В начале своего письма Бродский отчетливо обозначает причины, по которым он выбирает именно этого адресата и то, почему оно пишется публично: это в первую очередь письмо от литератора к литератору, а не от поэта к президенту, и содержит оно этико-эстетические принципы Бродского, которые ему хотелось бы донести до широкой аудитории: «Я решил написать вам это письмо, потому что в нас есть кое-что общее: мы оба писатели. При этом роде занятий слова взвешиваются тщательнее, я полагаю, чем при любом другом <...> Я решил написать это письмо, потому что некоторое время тому назад я прочел текст одной из ваших недавних речей, и изложенное в ней относительно прошлого, настоящего и будущего настолько отлично от моих соображений, что я подумал, что один из нас, должно быть, не

прав. И как раз потому, что в нем были затронуты настоящее и будущее <...> я решил, что письмо к вам должно быть открытым» [Бродский, 2003, с. 173].

Президент Гавел представляется ему понимающим и резонирующим собеседником. При этом, пусть само письмо и посвящено в основном критике идеи «посткоммунизма», появившейся после развала Советского Союза, и «коммунизма» как синонима всемирного зла и антонима демократии, способ разрешения мировых разногласий у Бродского оказывается в духе его собственной парадигмы восприятия, находящейся вне политики: «Давая вашему народу Пруста, Кафку, Фолкнера, Платонова, Камю или Джойса, вы можете превратить по крайней мере одну нацию центральной Европы в цивилизованный народ. <...> Ибо не существует другого противоядия от низости человеческого сердца, кроме сомнения и хорошего вкуса, сплав которых мы находим в произведениях великой литературы, равно как и в ваших собственных. Если отрицательный потенциал человека ярче всего проявляется в убийстве, его положительный потенциал лучше всего проявляется в искусстве» [Бродский, 2003, с. 180].

Этот манифест торжества искусства как лучшего средства нравственного воспитания человека адресован именно Гавелу по еще одной причине, которую Бродский объясняет как гражданин и полицейского государства, и страны, «держатся на ковбоях»: «Почему, возможно, спросите вы, я не делаю подобного сумасбродного предложения президенту страны, гражданином которой я являюсь? Потому что он не писатель; а когда он читает, он часто читает макулатуру. Потому что ковбой верят в закон и низводят демократию до равенства людей перед ним: т. е. до охраны порядка в прерии. Тогда как то, что я предлагаю вам, есть равенство перед культурой» [Бродский, 2003, с. 181].

Противопоставление «ковбоев» и «индейцев» – общества воинствующей демократии и стран, имеющих другие пути развития, становится одним из ключевых образов этого письма, и оно пишется индейцем к индейцу, равным к равному и тем, кто так же равен им по своим мыслительным и нравственным способностям. Адресат персонализирован, Бродский обращается к биографии президента Гавела, упрекает его в излишней мягкости формулировок, и в то же время делает его образцом для подражания другим главам государств, дает им рецепт идеального способа развития общества: «...то, что я предлагаю вам, есть равенство перед культурой. Вы должны решить, какой курс лучше для вашего народа, какую книгу лучше дать ему. Хотя, если б я был на вашем месте, в качестве начального курса я бы предложил вашу личную библиотеку, потому что очевидно, что о нравственных императивах вы узнали не на юридическом факультете» [Бродский, 2003, с. 181].

Так, в своих открытых письмах Бродский манифестирует свои идеи о главенстве литературы над обществом: литература рассматривается как способ преодоления забвения и изгнания, как универсальное средство воспитания нового, идеального социума. Начиная с мысли о торжестве языка и недопустимости адаптирования его под уровень общества и заканчивая идеей о способности литературы изменить мир, Бродский формирует в своих открытых письмах свой образ Поэта, для которого литература и поэзия становится превыше всего.

Литература

Акопов А. И. Аналитические жанры публицистики. Письмо. Корреспонденция. Статья. Учебно-методическое пособие для студентов-журналистов. / Ростов-на-Дону : Издательство Института массовых коммуникаций, 1996. [Электронный ресурс]. URL: http://jour.vsu.ru/izdaniya-uchebno-metodicheskie-posobiya/edition/methods/akopov_genres.pdf (дата обращения: 02.04.2023).

Бродский И. «Мне горько уезжать из России». Письмо Иосифа Бродского Леониду Брежневу. 1972. [Электронный ресурс]. URL: <https://diletant.media/articles/39196178/?ysclid=lu1gf3ayus861294051> (дата обращения: 02.04.2023).

Бродский И. Неотправленное письмо. 1962–1963 гг.

[Электронный ресурс]. URL: <https://iosif-brodskiy.ru/pisma/neotpravlennoe-pismo-1962-1963.html?ysclid=lu9umhas5x981006379> (дата обращения: 02.04.2023).

Бродский И. Сочинения Иосифа Бродского. Том VI. СПб. : Пушкинский фонд, 2003.

Ефимов А. И. Красноречие и орфография // Известия, 1962. 23 марта.

Розенблюм О. «Дискуссий не было...»: открытые письма конца 1960-х годов как поле общественной рефлексии // Журнал «Новое литературное обозрение», №4. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2020/4/diskussij-ne-bylo-otkrytye-pisma-koncza-1960-h-godov-kak-pole-obshhestvennoj-refleksii.html> (дата обращения: 02.04.2023).

Balandina I. A. J. Brodsky's open letter

Abstract. The article examines the functioning of the genre of Joseph Brodsky's open letter. The key features of Brodsky's open letter are investigated, patterns of development of the motivational structure of the genre and the specifics of addressing are revealed. An open letter is considered as a form of self-identification of the poet and a way of forming his public image.

Keywords: open letter, J. Brodsky, public behavior, self-identification, genre specificity.